

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

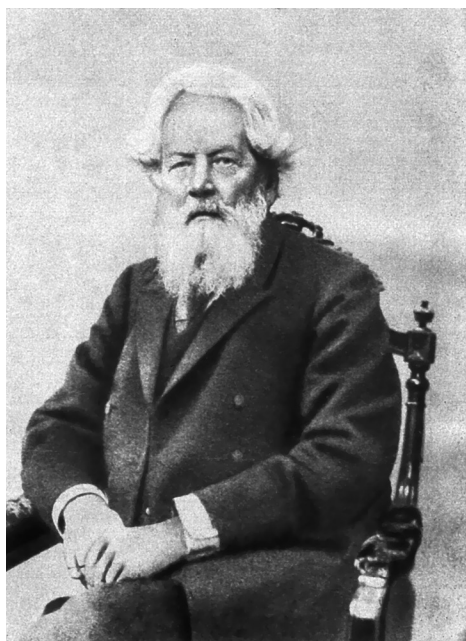
Landmarks in Human History

В.Л. Успенский

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ АКАДЕМИКА ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА ВАСИЛЬЕВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ

V.L. Uspensky

The Life and Works of Academician Vasilii Pavlovich Vasilyev: Reflections on the Occasion of His 200th Jubilee

В.П. Васильев

В 2018 г. отмечался 200-летний юбилей прославленного русского ученого-востоковеда академика В.П.Васильева. Масштабы его познаний, разносторонность тематики научных трудов, его организационная деятельность поражают уже не одно поколение отечественных историков науки.

Васильев был первоклассным специалистом в нескольких областях востоковедения, которые уже давно выделились в самостоятельные дисциплины. Закончив Казанский университет по кафедре монгольской словесности в 1837 г., он отправился в 1840 г. на десять лет в Пекин для подготовки к занятию проектировавшейся тибетской кафедры. Однако, вернувшись в Казань, в

1851 г. он возглавил кафедру китайско-маньчжурской словесности. Переехав вместе с Восточным факультетом в С.-Петербург в 1855 г., Васильев продолжал свою многостороннюю деятельность. С 1878 по 1893 гг. он был деканом факультета, а кафедру китайского языка и словесности возглавлял до самой смерти. С 1866 г. Васильев

– член-корреспондент по разряду восточной словесности Историко-филологического отделения Академии наук, с 1886 г. – ординарный академик.

О появлении в России молодого ученого было объявлено на всю страну его сокурсником, тогда еще не знаменитым писателем П.И. Мельниковым-Печерским: «23-го декабря 1839 года в 12 часов утра в большой аудитории Казанского Университета собрались все члены этого заведения и множество посторонних особ, желавших быть свидетелями еще невиданного, неслыханного на Руси защищения диссертации *на степень магистра монгольской словесности*»¹. Все-таки символично, что монголоведение стало официально признанной специальностью в России ровно через 600 лет после завоевания Руси монголами, о первой встрече с которыми летописец писал «явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ»².

Статья была опубликована тогда, когда Васильев уже находился на пути в Китай, и в ней сообщалось о планах его ученых занятий на десять лет вперед. Мельников-Печерский выражал уверенность, что «*первый магистр монгольской словесности*, возвратясь на родину, будет весьма полезен как для России, так и для Европы»³.

Это предвидение сбылось. Но деятельность Васильева пошла не в том направлении, к которому он готовился, находясь в Китае. В 1850 г. скончался О.П. Войцеховский, возглавлявший кафедру китайской и маньчжурской словесности, и на его место был определен Васильев. Планировавшееся создание для него тибетской кафедры было отменено. Как с горечью отмечал впоследствии академик С.Ф. Ольденбург, «своих глубоких познаний в тибетском, приобретенным из книг и из общения с учеными ламами ему не пришлось применить в преподавании... Обстоятельство это ярко подчеркивает наше неумение организовывать дело и пользоваться людьми знания: на Западе мы постоянно видим, как появление выдающегося специалиста является стимулом для предоставления ему возможности путем создания кафедры образовать школу, у нас же мы видели с одной стороны пустующие кафедры, с другой специалистов, не находивших применения своим знаниям»⁴.

Но Васильев до конца жизни будет помнить о том, к чему готовился в молодые годы: публиковать в старости подготовленные в молодости труды по Тибету, планировать создание тибетской кафедры в С.-Петербургском университете, и даже строить планы о собственном путешествии в Тибет южным путем через Кокхинхину. Опубликованные им труды «Буддизм: Его догматы, история и литература» (СПб., 1857) и «История буддизма в Индии. Сочинение Даранаты, перевод с тибетского» (СПб., 1869) были беспрецедентными в мировой науке.

Жизнь молодого профессора складывалась удачно. В 1852 г. он

женился на дочери ректора Казанского университета И.М. Симонова (1794–1855) – Софье Ивановне, – которая получила в приданое небольшое имение в селе Каинки Свияжского уезда Казанской губернии. Там молодожены и поселились, а востоковед вдобавок стал помещиком. Сын Васильева Александр вспоминал, что одним из сильных впечатлений детства были переговоры отца с бывшими крепостными по поводу наделения освобожденных крестьян землей⁵.

Жизнь на земле, общение с народом и близкое знакомство с великой и непохожей китайской цивилизацией способствовали увлечению востоковеда экономическими и общественными вопросами, которые во множестве поставила перед современниками пореформенная эпоха в России.

Васильев выдвинул свои предложения на тему «как обустроить Россию?» столь энергично, что его книга «Современные вопросы» (1875 г.) была уничтожена цензурой. По словам академика С.А. Козина, им был разработан грандиозный план аграрных и финансовых реформ, «из которого он создал своеобразную религию и не оставлял всю жизнь. Знаменателен основной лозунг этих васильевских чаяний: “В России богатых должно быть столько, сколько теперь бедных, а бедных столько, сколько теперь богатых”»⁶. Однако его проекты никого не вдохновили и вскоре были забыты.

Переехав в С.-Петербург, значительные усилия Васильев приложил для улучшения преподавания китайского языка. Для отыскания иероглифов в словаре им была разработана так называемая «графическая система китайских иероглифов». Он писал: «Я имел честь представить Академии наук мой китайский словарь, расположенный по совершенно новой и, что бы ни говорили, а только и единственно облегчающей изучение китайского языка, системе. [...] Целью моей было побудить Академию наук позаботиться о заведении китайского шрифта, давно уже употребляемого в других, менее заинтересованных востоком, европейских государствах. Когда так холодно был принят мой труд, то, разумеется, пропала охота и его обрабатывать. Не в таком виде мог бы он явиться через те 12 лет, когда мне представилась возможность издать его хоть литографированным»⁷.

Предложенная Васильевым графическая система прижилась в отечественной синологии и была использована в крупнейших китайско-русских словарях, изданных во второй половине XX в. Словарь Васильева, весьма скромно литографически напечатанный в С.-Петербурге в 1867 г., был переиздан в 2010 г.⁸

Еще в 1931 г. академик С.А. Козин отмечал, что до нас дошли «...многие работы по истории и географии Китая и по истории китайской литературы, давно сделавшиеся библиографическою редкостью и почти недоступные для читателя еще и по той убогости и небрежности, с которою были наспех изданы, часто литографским способом, неопытными слушателями Васильева, почти не имевшего

возможности их редактировать»⁹. К сожалению, эти работы Васильева с тех пор не редактировались и не переиздавались.

В 1873 г. Васильев опубликовал крупную работу «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм», в которой стремился понятно и кратко изложить ту огромную информацию, которую он собирал из источников на разных языках в течение нескольких десятилетий. Будучи крупным специалистом по традиционным религиям и верованиям Китая, Васильев понимал необходимость изучения культуры и литературы китайцев-мусульман (*кит.* хуэй). Как он писал в одной из ранних работ, «Мы просим как наших пекинских соотечественников, так и ученых Западной Европы, обратить внимание на магометанскую литературу в Китае; наверно им откроется более благоприятный случай к отысканию мусульманских сочинений на китайском языке; я достал только всего две книжки [...]; но меня уверяли, что есть немалое количество книг; это очень естественно, судя по долговременному существованию в Китае мусульманства и по его обширному распространению. [...] Может быть откроем в мусульманских оригинальных сочинениях очень много данных...»¹⁰. К сожалению, отечественная синология мало прислушалась к этому призыву в последующие полтора века.

Важное место в его научном наследии занимает «Очерк истории китайской литературы», опубликованный в серии «Всеобщая история литературы» в 1880 г. В этой сравнительно небольшой книге Васильев стремился донести до русского читателя свое понимание того, что является литературой с китайской точки зрения, не пытаясь подогнать китайскую традицию под европейские шаблоны. По страницам книги рассыпано много идей и наблюдений, которые и сегодня стимулируют новые исследования. Переиздание этого произведения вместе с переводом на китайский язык явилось данью памяти великому ученому¹¹.

Труды Васильева, как крупные, так и небольшие по объему, независимо от тематики всегда эмоционально окрашены, полны метких и образных замечаний и оценок, часто весьма далеких от того, что сегодня называют словом «политкорректность». В то же время, его «неакадемические» фразы часто глубоко проникают в суть явления. Васильева часто упрекали в том, что в своем скептицизме он доходил до абсурда и даже противоречил сам себе. Видимо, такими были особенности его беспокойного гения; великий ученый не мог ограничиться «вялыми знаниями».

Свою автобиографию, по словам ее издателя, «написанную с обычною знаменитому ученому оригинальностью воззрений», Васильев сравнил с историей Чингис-хана¹². И при этом пояснил, что имеет в виду великий памятник монгольской литературы «Сокровенное сказание» («Юань чао ми ши»), который был открыт и переведен на русский язык его товарищем по жизни в Пекине – архимандритом Палладием (П.И. Кафаров).

Как можно истолковать подобные слова?

В «Сокровенном сказании» описан жизненный путь Тэмуджина, ставшего великим завоевателем Чингис-ханом. Рассказы о казальсо бы мелких эпизодах его детства и юности часто изложены гораздо подробнее, чем великие походы. Не найдем мы и указаний на вмешательство сверхъестественных сил, помогавших или препятствовавших ему. Нет, Чингис-хан сам делал то, что считал необходимым, и добился всего сам (хотя и не без помощи сподвижников): в юности отбил у грабителей восемь соловых мерингов, а затем одолел своих врагов и завоевал соседние государства. Видимо, и Васильев, подводя итоги своего долгого жизненного пути, не делил события на большие и малые, ибо в них проявлялась и под их влиянием формировалась его личность – человека и ученого.

Из публикаций о Васильеве, появившихся в последние годы, особенно любопытна статья немецкого историка науки Х. Валравенса (H. Walravens) о конфликте Васильева с академиком А.А. Шифнером (A.F. Shiefner; 1817–1879), прибалтийским немцем по происхождению¹³. Этот конфликт упоминается в различных отечественных работах о Васильеве¹⁴.

Суть его в следующем. В 1869 г. Васильев издал свой русский перевод с тибетского языка «Истории буддизма в Индии» Таранатхи (1575 – ?1634) – важнейший памятник тибетской историографии. Шифнер сделал свой перевод этого сочинения на немецкий язык, который был издан в С.-Петербурге тоже в 1869 г. Шифнер перевел на немецкий язык предисловие Васильева и поместил его в своей книге. Кроме того, в своем предисловии Шифнер сообщил, что пользовался русским переводом Васильева и высказал целый ряд лестных замечаний о его трудах. Шифнер утверждал, что выполнил свой перевод «Истории буддизма в Индии» с тибетского языка; Васильев же настаивал на том, что академик не владел тибетским языком в достаточной степени и переводил с русского. Эта полемика сразу перестала быть чисто научной и перенеслась на страницы газет, трансформировавшись в популярную в дореволюционной России тему «немецкого засилья» в русской жизни.

Разумеется, вся отечественная историография (в том числе советского периода) стоит на стороне Васильева. Опубликованные Х. Валравенсом на немецком языке с английским переводом письма Шифнера, которые хранятся в Берлинской государственной библиотеке (Staatsbibliothek zu Berlin), позволяют более объективно рассмотреть этот конфликт. В своих письмах Шифнер выражал недоумение относительно выдвинутых против него обвинений: ведь он неизменно высоко отзывался о научных трудах Васильева, отредактировал немецкий перевод первого тома его «Буддизма» (издан в С.-Петербурге в 1860 г.) и перевел на немецкий язык его статью «О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке казанского университета».

Вот что Шифнер, в частности, писал о Васильеве в одном из своих писем в октябре 1869 г.: «Он немного младше меня, но выглядит на 10–15 лет старше, он ипохондрик и долго не проживет. Смерть жены его сломила»¹⁵. Однако дело даже не в личных симпатиях или антипатиях между Шифнером и Васильевым.

Известно, что «Восток – дело тонкое»; соответственно, и востоковедение – тонкая наука, ее творят личности. И когда два крупных востоковеда берутся одновременно, каждый под своим именем, исследовать одну и ту же проблему или письменный источник, то конфликт между ними почти неизбежен. Учитывая сложный характер Васильева, можно согласиться с академиком Шифнером, что его действия не всегда можно назвать корректными. Возможно, именно характером Васильева отчасти объясняется тот факт, что у него не нашлось учеников и последователей, обработавших и опубликовавших хотя бы некоторые из его многочисленных трудов, которые так и остались в рукописном виде и со временем утратили былую актуальность.

Интересна статья американского тибетолога М. Кэпстэйна, посвященная переводам «Буддизма» Васильева на немецкий и французский языки и их оценке европейской наукой¹⁶. В статье кратко рассмотрено содержание книги Васильева и сделан вывод, что русский ученый опережал свое время. Он использовал целый ряд авторитетных сочинений тибетских авторов по буддийской философии, к изучению которых западные ученые приступили только во второй половине XX в. Хотя многие введенные им термины не вполне точны с точки зрения современной науки, они хорошо узнаваемы. Немецкий перевод, который был сделан крупным индологом Т. Бенфе-ем (Th. Benfey; 1809 – 1881) и отредактирован академиком Шифнером, адекватно передал содержание труда Васильева.

Зато изданный в Париже в 1865 г. перевод на французский язык был выполнен неким А. Ла Коммом (A. La Comme), явно несведущим в востоковедении. Предисловие к нему написал известный ученый, публицист и политический деятель Э. де Лабулэ (E. de Laboulaye; 1811 – 1883). Вот что он, в частности, писал: «За изданием на русском языке последовал его немецкий перевод, опубликованный ученым-востоковедом Бенфеем. Благодаря этому переводу некоторое количество знатоков смогли использовать труд г-на Васильева. Немецкий язык г-на Бенфея еще не является всемирным языком (la langue universelle) и перевод Бенфея есть книга недоступная для более, чем для одного читателя. Тот, кто хочет сегодня быть доступным широкой публике, должен писать на английском или на французском. Именно это и почувствовал г-н Ла Комм»¹⁷. В ответ Бенфей подверг французский перевод резкой критике. Как справедливо отмечает Кэпстэйн, «неудивительно, что в последующие десятилетия сделанный Бенфеем немецкий перевод Васильева цитировался постоянно, а французский – редко, несмотря на “все-

мирность”, которую Лабулэ с энтузиазмом ему приписывал»¹⁸.

4 апреля 2018 г. в Институте восточных рукописей РАН прошла всероссийская научная конференция, посвященная 200-летию академика Васильева. Материалы конференции были опубликованы¹⁹, в том числе онлайн, и любопытно сравнить их с материалами заседания РАН 5 марта 1918 г., посвященного 100-летию Васильева. Первые слова академика Ольденбурга, лично знавшего Васильева, создают ощущение мрака и безнадежности: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России... Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний»²⁰. Но надо помнить об условиях того времени, когда отмечался этот юбилей. Приятно, что 200-летний юбилей великого ученого отмечался в благополучной обстановке. Участники конференции в своих докладах осветили различные аспекты научной и преподавательской деятельности Васильева, сообщили об архивных материалах, отражающих его деятельность и хранящихся в Казани и С.-Петербурге.

Если труды Васильева на ниве политики и экономики не имели успеха, то его потомки были на этом поприще намного успешнее. Его старший сын Александр стал депутатом I Государственной думы от партии кадетов. Одна из внучек академика, О.Л. Барановская, была первой женой А.Ф. Керенского. И некоторые другие потомки Васильева были вовлечены в водоворот событий революционных и послереволюционных лет²¹.

После смерти жены в 1868 г. Васильев прожил еще 32 года, и прогноз академика Шифнера, к счастью, оказался ошибочным. Васильев был похоронен в селе Каинки, где ранее была похоронена его жена. «После революции дом Васильевых в Каинках был снесен [Скорее всего, был сожжен потомками бывших крепостных академика. – В.У.], их семейный склеп разрушен, надгробие с могилы академика и его супруги снято и перенесено с повреждениями в другое место. [...] Несколько лет назад надгробие Васильевых зацепили тросом и оттащили трактором ближе к кладбищу»²². Оставим эти сведения без комментария: ведь эта история не отличается от тысяч подобных.

По словам академика Козина, Васильев «принужден был пережить глубокую трагедию ученого, многие труды которого или совсем не увидели света, или вышли, но не в свое время, и не в таком виде, какого они заслуживали своей значительностью»²³.

Ни одна из оставшихся в рукописи работ Васильева не была опубликована после его смерти. Издание неопубликованных материалов по буддизму было намечено Отделением исторических наук и филологии АН еще в 1926 г.²⁴. Но ничего так и не было опубликовано, хотя работа по подготовке к публикации велась. Например, в архиве Васильева в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (фонд 775) имеется машинопись части буддийского словаря²⁵. Ра-

бота по подготовке этого словаря к изданию велась и в 1960-е гг. известным тибетологом Б.В. Семичевым²⁶. Но словарь так и не был напечатан (кроме нескольких корректурных листов, отпечатанных еще при жизни Васильева). Фрагменты переписки Васильева с современниками являются единственными архивными материалами, которые публиковались после его смерти. Все остальное так и осталось в рукописном виде, часто незавершенном.

Целесообразной явилась бы публикация китайского дневника Васильева, который он вел в 1840–1850 гг. Более ста пятидесяти лет назад были опубликованы несколько отрывков этих дневников, подготовленные к печати самим автором. Помимо сведений о современном ему Китае и интереснейших наблюдений, введение в научный оборот этих дневников помогло бы внести ясность в источники происхождения книг, собранных Васильевым. Например, он небрежно сообщил в одной своей статье, что рукопись четырехязычного буддийского лексикона, русский перевод которого должен был составить 2-й том его «Буддизма», принадлежал некому Юй-да-жен'ю (современная транскрипция – Юй-дажэнь, «Большой человек Юй»)²⁷. Кто он был, этот Юй-дажэнь – неизвестно. В своем пекинском дневнике «Васильев с большим драматизмом передает те чувства, которые волновали его при вступлении в незнакомые пределы. Пылкость его лирических излияний, размышлений о своей судьбе делают дневник к тому же интереснейшим “человеческим документом”»²⁸.

И, конечно, данью памяти Васильеву должна стать полная каталогизация книг на восточных языках, которые были собраны им в Китае. Совершенно не известным науке остается тот факт, что в 1892 г., решив покинуть пост декана Восточного факультета С.-Петербургского университета, Васильев организовал инвентаризацию фонда рукописей и ксилографов, хранившихся в университетской библиотеке. Эти инвентарные книги до настоящего времени служат ценнейшим источником информации. Васильев лично проверил все инвентарные книги и оставил на их страницах свои замечания и исправления. Поражает тот факт, что по прошествии более чем пятидесяти лет после возвращения из Пекина Васильев помнил каждую из привезенных им книг на всех языках до мельчайших подробностей.

Сегодня существуют печатные каталоги книг, хранящихся в Восточном отделе С.-Петербургского университета на маньчжурском и монгольском языках²⁹, в которых особо отмечены книги из коллекции Васильева. Существует электронный каталог тибетских книг, значительная часть которого была собрана Васильевым, но где его имя и имена других собирателей не упоминаются. Нет только доступного каталога самого большого собрания книг на восточных языках, обязанным Васильеву своим происхождением, – каталога китайского фонда. На сегодняшний день был издан роскошный ка-

талог китайских книг сравнительно небольшого раздела коллекции, который известен под названием «Васильевский ученический»³⁰. И поэтому работы Васильева более чем столетней давности до сих пор являются основным источником сведений об университетской коллекции.

Если многие из оставшихся неопубликованными трудов Васильева в значительной степени утратили свою научную актуальность по мере развития востоковедных исследований в мировом масштабе, то собранные им коллекции книг на восточных языках только в последние десятилетия были введены в научный оборот и уже стали предметом широкого и заинтересованного изучения. Поэтому Васильев остается нашим современником, труды которого не остались в прошлом, а способствуют прогрессу современного востоковедения.

Примечания Notes

¹ Мельников П.И. Первый магистр монгольской словесности // Отечественные записки. 1840. Т. IX. № 3-4. С. 16.

² Летописные повести о монголо-татарском нашествии // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. Москва, 1981. С. 132

³ Мельников П.И. Первый магистр монгольской словесности // Отечественные записки: Учено-литературный журнал. 1840. Т. IX. № 3-4. С. 18.

⁴ Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Столетие со дня рождения академика Василия Павловича Васильева: Речи, читанные в торжественном заседании Российской Академии Наук. Петроград, 1918. С. 534, 535.

⁵ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 4. Санкт-Петербург, 1895. Отдел 2. С. 136.

⁶ Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева, по данным Азиатского Музея Академии Наук СССР // Известия Академии Наук СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. 1931. № 6. С. 760, 761.

⁷ Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы. Санкт-Петербург, 1880. С. 25.

⁸ Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов: Опыт первого русско-китайского словаря. Санкт-Петербург, 2010.

⁹ Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева, по данным Азиатского Музея Академии Наук СССР // Известия Академии Наук СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. 1931. № 6. С. 773.

¹⁰ Васильев В.П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский Вестник. 1857. Т. 11. № 7. С. 332, 333.

¹¹ Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы. Санкт-Петербург, 2013.

¹² Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Санкт-Петербург, 1895. Т. 4. Отдел 2. С. 149, 154, 155.

¹³ *Walravens H. Letters of A. Schiefner about V.P. Vasil'ev* // Письменные памятники Востока. 2008. № 1(8). С. 251–264.

¹⁴ Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И. Русский китаевед Академик Василий Павлович Васильев (1818 – 1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. Москва, 1956. С. 259–260.

¹⁵ *Walravens H. Letters of A. Schiefner About V.P. Vasil'ev* // Письменные памятники Востока. 2008. № 1 (8). С. 257, 258.

¹⁶ *Kapstein Matthew D. L'oubli des Russes: An (Almost) Forgotten Chapter in the History of 19th-century Orientalism* // *Revue Internationale de Philosophie*. 2019. № 1 (287). P. 79–90.

¹⁷ *Kapstein Matthew D. L'oubli des Russes: An (Almost) Forgotten Chapter in the History of 19th-century Orientalism* // *Revue Internationale de Philosophie*. 2019. № 1 (287). P. 88.

¹⁸ *Kapstein Matthew D. L'oubli des Russes: An (Almost) Forgotten Chapter in the History of 19th-century Orientalism* // *Revue Internationale de Philosophie*. 2019. № 1 (287). P. 89.

¹⁹ Академик В.П. Васильев (1818 – 1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии: К 200-летию со дня рождения. Санкт-Петербург, 2018.

²⁰ *Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму* // Столетие со дня рождения академика Василия Павловича Васильева: Речи, читанные в торжественном заседании Российской Академии Наук. Петроград, 1918. С. 531.

²¹ *Жуков В.Ю., Кульганек И.В. Потомки академика В.П. Васильева (1818 – 1900): К 200-летию со дня рождения* // *Mongolica-XXI*. Санкт-Петербург, 2018. С. 22, 23, 26, 27.

²² *Жуков В.Ю., Кульганек И.В. Академик В.П. Васильев и его потомки: эскиз генеалогического древа* // Академик В.П. Васильев (1818 – 1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии: К 200-летию со дня рождения. Санкт-Петербург, 2018. С. 15.

²³ *Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева, по данным Азиатского Музея Академии Наук СССР* // Известия Академии Наук СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. 1931. № 6. С. 760.

²⁴ *Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева, по данным Азиатского Музея Академии Наук СССР* // Известия Академии Наук СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. 1931. № 6. С. 772.

²⁵ *Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения*. Москва, 1977. С. 443.

²⁶ *Источник мудрецов: Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма*. Улан-Удэ, 1968. С. 3.

²⁷ *Васильев В.П.* О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке Казанского университета // Ученые записки Императорской Академии Наук по Первому и Третьему отделениям. 1855. Т. 3. Вып. 1. С. 30, 31.

²⁸ *Тубянский М.И.* Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В.П. Васильева и В.В. Горского // Доклады Академии наук СССР. Серия В. 1927. № 3. С. 63.

²⁹ *Jachontov K.S.* Katalog mandjurischer Handschriften und Blockdrucke in den Sammlungen der Bibliothek der Orientalischen Fakultät der Sankt-Petersburger Universität. Wiesbaden, 2001; *Uspensky V.L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo, 2001.

³⁰ *Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И.* Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева в фондах Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2012.

Автор, аннотация, ключевые слова

Успенский Владимир Леонидович – докт. ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург) v.uspenskiy@spbu.ru

Автор статьи – известный российский востоковед, заведующий Кафедрой монголоведения и тибетологии, созданной почти два столетия назад и выпускником которой был академик В.П. Васильев.

В.П. Васильев является одним из основателей российского востоковедения. Получив степень магистра монгольской словесности в 1840 г., он пробыл десять лет в Китае для подготовки к профессорскому званию по кафедре тибетской словесности, которую планировалось открыть в Казанском университете. Однако вернувшись в Россию, он стал профессором китайской и маньчжурской словесности.

На первый взгляд, карьера Васильева была весьма успешной. Его глубокое знание Востока признавалось всеми, много лет он был деканом Восточного факультета С.-Петербургского университета, был избран действительным членом Академии наук. Однако большинство его работ, в первую очередь касающиеся буддизма и тибетологии, так и остались неопубликованными.

В статье на основе изучения работ Васильева и собранных им лекций книг на восточных языках анализируется его роль в российском востоковедении. Автор статьи собрал оценки научной деятельности Васильева в России и за рубежом как в старых, так и в самых последних публикациях. В статье высказаны соображения об использовании в наше время архивных материалов Васильева и его коллекций восточных рукописей.

Академик В.П. Васильев, буддизм, ислам, востоковедение, китаеведе-

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kapstein, Matthew D. L'oubli des Russes: An (Almost) Forgotten Chapter in the History of 19th-century Orientalism. *Revue Internationale de Philosophie*, 2019, no. 1 (287), pp. 79–90. (In English).

2. Kozin, S.A. Bibliograficheskiy obzor izdannykh i neizdannykh rabot akademika V.P.Vasilyeva, po dannym Aziatskogo Muzeya Akademii Nauk SSSR [A Bibliographic Review of the Published and Unpublished Works of Academician Vasily P. Vasilyev Based on Information of the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences.]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya VII. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, 1931, no. 6, pp. 759–774. (In Russian).

3. Tubyanskiy, M.I. Predvaritelnoe soobshchenie o buddologicheskom rukopisnom nasledii V.P. Vasilyeva i V.V. Gorskogo [A Preliminary Report on the Buddhist Manuscript Legacy of V.P. Vasilyev and V.V. Gorskiy.]. *Doklady Akademii nauk SSSR. Seriya V*, 1927, no. 3, pp. 59–64. (In Russian).

4. Walravens, Hartmut. Letters of A. Schiefner about V.P. Vasil'ev. *Pismennye pamyatniki Vostoka*, 2008, no. 1(8), pp. 251–264. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Gorbacheva, Z.I.; Petrov, N.A.; Smykalov, G.F.; Pankratov B.I. Russkiy kitayeved Akademik Vasily Pavlovich Vasilyev (1818 – 1900) [The Russian Sinologist, Academician Vasily Pavlovich Vasilyev (1818 – 1900).]. *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya* [Essays on the History of Russian Oriental Studies.]. Moscow, 1956, vol. 2, pp. 232–340. (In Russian).

6. Zhukov, V.Yu.; Kulganek, I.V. Potomki akademika V.P. Vasilyeva (1818 – 1900): K 200-letiyu so dnya rozhdeniya [The Descendants of Academician V.P. Vasilyev (1818 – 1900): On the 200th Anniversary of His Birth.]. *Mongolica-XXI*. St. Petersburg, 2018, pp. 21–34. (In Russian).

(Monographs)

7. Vasilyev, V.P. Ocherk istorii kitayskoy literatury [An Essay on the History of Chinese Literature.]. St. Petersburg, 1880, 163 p. (In Russian).

8. Vasilyev, V.P. Ocherk istorii kitayskoy literatury [An Essay on the History of Chinese Literature.]. St. Petersburg, 2013, 334 p. (In Russian).

9. Skachkov, P.E. Ocherki istorii russkogo kitayavedeniya [Essays on the History of Russian Sinology.]. Moscow, 1977, 505 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Vladimir L. Uspenskiy – Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
v.uspenskiy@spbu.ru

The author of the article is a celebrated Russian scholar in Oriental studies, Professor and Chair of Mongolian and Tibetan Studies, established almost two hundred years ago whose graduate was Academician Vasily. P. Vasilyev.

Vasilyev was one of the founders of Oriental Studies in Russia. After having obtained a Master of Arts degree (MA) in Mongolian Philology in 1840 he spent ten years in China preparing to qualify for a Professor at the Chair of Tibetan Studies which was due to open at the University of Kazan. Instead, upon his return, he was appointed Professor and Chair of Chinese and Manchu Studies.

At first glance Vasilyev's career was exceptionally successful: with his unique knowledge of the Orient universally recognized, he was the Dean of the Oriental Department of St. Petersburg University for many years and was also elected a member of the Academy of Sciences. However, the bulk of his works, especially dealing with Buddhism and Tibetan Studies, remain unpublished.

This study is an analysis of Vasilyev's role in promoting Oriental studies in Russia based on his publications and collections of books in Asian languages. It also includes a review of current and past evaluations of his work published in both in Russia and abroad. The author puts forward his consideration regarding the future use of Vasilyev's archival materials and his collections of Oriental manuscripts.

Academician Vasily P. Vasilyev, Buddhism, Islam, Oriental studies, Sinology, Mongol studies, Tibetan studies.